

ХИМЕРА НАТУРАЛИЗМА И СВОБОДА ВОЛИ*

Кузнецов Антон Викторович – кандидат философских наук, младший научный сотрудник. Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова. Российская Федерация, 119234, г. Москва, Ломоносовский пр. д. 27, корп. 4; e-mail: anton.smith@philos.msu.ru

Статья посвящена анализу аргументов от эмпирической науки против свободы воли. Этот анализ выявляет их глубинный антинатурализм. Он заключен в использовании такого понятия свободы воли, которое не может быть предметом натуралистического рассмотрения, а также в разнообразных объяснительных и онтологических парадоксах, к которым приводят аргументы от эмпирической науки при попытке генерализации лежащих в их основании объяснительных принципов. Для достижения поставленной цели составляется классификация этих аргументов, она насчитывает пять типов: от предсказания, от манипуляции, от мозга, от иллюзии, от подмены понятий. В соответствии с ней определена структура статьи. В финале статьи предлагается идея натуралистического компатибилизма, уточняется роль аргументов от эмпирической науки в дискуссиях о свободе воле, как и сама проблема свободы воли, кратко освещается вопрос об источниках «химеризации» натурализма, затрагивается проблема полноты рассуждения.

Ключевые слова: свобода воли, эмпирическая наука, натурализм, натуралистический компатибилизм

CHIMERA OF NATURALISM AND FREE WILL

Anton V. Kuznetsov – PhD in Philosophy, Junior Researcher. Lomonosov Moscow State University. 27/4 Lomonosovsky Ave., Moscow 119234, Russian Federation; e-mail: anton.smith@philos.msu.ru

This article is devoted to the analysis of arguments from empirical science against free will. Its main purpose is to reveal their deep anti-naturalism. This anti-naturalism lies in the use of a concept of free will that cannot be the subject of naturalistic consideration, as well as in the various explanatory and ontological paradoxes that arguments from empirical science lead in case when someone is trying to generalize the explanatory principles underlying them. At the beginning of the article, the author gives a general notion of the free will problem, a working definition of naturalism and the place of arguments from empirical science in discussions about free will. To achieve the main goal of the article, the author suggests a classification of arguments from empirical science, which includes five types: from prediction, from manipulation, from the brain, from illusion, from the substitution of concepts. In accordance with this classification, the structure

* Исследование проведено при финансовой поддержке гранта Министерства науки и высшего образования РФ (проект «Новейшие тенденции развития наук о человеке и обществе в контексте процесса цифровизации и новых социальных проблем и угроз: междисциплинарный подход», соглашение № 075-15-2020-798).

of the article is defined, where each of the presented types is sequentially considered. The logic of considering each type of argument is approximately the same: explication of the essence of the argument of a particular type, its analysis, identification of basic principles and their generalization, demonstration of the negative consequences that it leads to, and answers to possible objections. In the course of the consideration, the author formulates an ontologically neutral concept of free will as a set of abilities associated with the agent's control over his actions. At the end of the article, the main points is summed up, the idea of naturalistic compatibilism is proposed, the role of arguments from empirical science in discussions about free will is clarified, as is the problem of free will itself, the question of the sources of "chimerization" of naturalism is briefly highlighted, and the problem of completeness of the proposed reasoning is touched upon.

Keywords: free will, empirical science, naturalism, naturalistic compatibilism

Свобода воли – это определенная способность агента к контролю над своими поступками. Она обеспечивает автономию агента и его моральный статус. Отправной точкой проблемы свободы воли является дилемма детерминизма. С каким устройством мира она совместима – с детерминистическим или индетерминистическим? Кажется, что оба рога дилеммы создают непреодолимые сложности для свободы воли, потому что детерминизм элиминирует автономию агента, а индетерминизм растворяет свободу в чистой случайности, в которой "испаряется" и сам агент. Дилемма детерминизма – это вопрос о метафизических основаниях свободы воли. В связи с ней встает масса других проблем: как именно понимать свободу воли, насколько сильна ее связь с моральной ответственностью и насколько вопрос о детерминизме обоснован как для свободы воли, так и для моральной ответственности, как свобода воли сочетается с иными видами детерминации. Эти вопросы находятся в соприкосновении с результатами исследований в эмпирической науке. Именно последнее является предметом рассмотрения настоящей статьи.

На мой взгляд, аргументы от эмпирической науки не способны играть ключевую роль в решении проблемы свободы воли. Скорее роль таких аргументов является демонстративной – они показывают, как разные виды детерминации создают трудности для свободы воли. Показательно, что Дерк Перебум, главный противник свободы воли в современной философии, не использует эмпирические доводы в качестве центральных аргументов¹. Если эмпирические аргументы и работают против свободы воли, то только по причине принятия одного из философских решений проблемы свободы воли, то

¹ Хотя часть критики либертарианства действительно связана с рассмотрением Перебумом эмпирического материала [Pereboom, 2014, pp. 50–70].

есть в ситуации, когда ее уже можно считать решенной. В данном тексте эти тезисы получают лишь косвенное обоснование.

Не наблюдается недостатка философских работ, посвященных свободе воли и эмпирической науке. Главным образом они показывают проблематичность аргументов от эмпирической науки против свободы воли. Большой вклад в их оценку внес Мили [Mele, 2014]. Активно эта тематика обсуждается отечественными философами: Секацкой [Секацкая, 2016; 2020], Левиным [Левин, 2018] и Югай [Левин, Югай, 2019], Мишурой [Мишура, 2016], Разеевым [Разеев, 2017], Бесединым [Беседин, 2018], монографии о свободе воли были выпущены Волковым [Волков, 2018] и Васильевым [Васильев, 2017]. Однако несмотря на обилие философских работ, в публичном пространстве продолжают доминировать представления, не учитывающие их результатов. Видными критиками свободы воли со стороны эмпирической науки являются Сапольски [Сапольски, 2018], Газзанига [Газзанига, 2020], Харрис [Харрис, 2015], Вегнер [Wegner, 2017], Ключарев [Ключарев, 2017], Марков [Марков, 2019, web] и др.

В отличие от работ, которые концентрируются на том или ином аспекте научной аргументации, в этой статье я бы хотел показать, что в своей основе она расходится с принципами натуралистического объяснения. Поэтому натурализм такой аргументации является идеологическим, «химерой» натурализма. Общая идея моей аргументации заключается в том, что частичная или полная генерализация объяснительных принципов, играющих ведущую роль в аргументах от эмпирической науки против свободы воли, ведет к объяснительным и онтологическим парадоксам. Их невозможно последовательно придерживаться. Следствием моего рассуждения, если оно верно, является признание натуралистического компатибилизма, что свобода воли совместима с натурализмом. В рамках данной статьи под натурализмом понимается общая методологическая установка исследования феноменов естественного мира, которая опирается на принципы каузальной замкнутости физического, объяснительной экономии, правдоподобия и лучшего объяснения.

Ниже я разберу типы аргументов от эмпирической науки против свободы воли. Как и любая классификация, она условна:

1. от предсказания;
2. от манипуляции;
3. от мозга;
4. от иллюзии;
5. от подмены понятий.

Непосредственно эмпирическими являются первые два типа, так как полагаются на конкретные эмпирические результаты, остальные скорее являются выражением идеологического натурализма, его «химерой».

1. Аргументы от предсказания

Аргументы от предсказания утверждают, что можно предсказать по нейрофизиологическим факторам поведение человека до того, как им будет принято сознательное решение. Следовательно, сознание не играет роли в процессе принятия решения и свободы воли нет.

Эксперимент Либета [Libet, 1983; 1985]. Испытуемый должен был в любой момент, когда захочет, совершить движение пальцем. Эксперимент показал, что примерно за полсекунды до осознания принятия решения в премоторной коре формировался потенциал готовности, который определяет движение. Значит, сознательное решение не играет никакой роли.

Эксперимент Хайнса [Soon..., 2008] является вариацией предыдущего, но с использованием фМРТ. В томографе человек должен был нажимать правую или левую кнопку. Утверждается, что можно с высокой вероятностью примерно за 10 секунд до принятия решения предсказать, какая кнопка будет нажата.

Подробно эти аргументы разбирает Секацкая [Секацкая, 2016]. Она справедливо замечает, что факт предсказания действия не исключает свободу воли. Более того, возможность предсказания действий других людей – одна из основ коммуникации. Оппонент мог бы возразить, что в случае данных экспериментов предсказание строится на основании знания физических, а не ментальных оснований действия. Но это сразу предполагает допущение дуалистической онтологии, будто ментальный мир полностью оторван от физического, что противоречит натуралистической установке, согласно которой все ментальные состояния имеют физиологические выражения. Именно это главная идея Секацкой. Я бы добавил, что если ментальные состояния «левитируют» над процессами в мозге, то невозможно сформулировать эмпирическую гипотезу насчет их участия в поведении, поскольку эмпирические инструменты не приспособлены для регистрирования сверхъестественных сущностей. Само эмпирическое рассмотрение будет развалено под тяжестью антинатуралистической метафизики, из которого оно исходит.

Но оппонент мог бы настаивать на том, что осознаваемые решения не могут играть роли в поведении, поскольку в момент осознания процесс реализации действия уже запущен. А именно об осознанных решениях идет речь в экспериментах. Я несколько расширю рассуждение Секацкой и не буду обсуждать здесь эмпирические трудности такого подхода². Она пишет, что в таком случае действия

² Например, это определения момента осознания [Mele, 2009, pp. 117–130], не самые прочные гарантии, которые дают предсказания (в случае Хейнса точность составляет примерно 60%), вопрос определяющей роли в реализации действия

агента совпадают с феноменальным сознанием, и возражает этому на основании разницы между диспозициональными и проявляющимися ментальными состояниями. На мой взгляд, отождествление действий агента с сознательными состояниями является еще одним примером крайне требовательных и неправдоподобных метафизических допущений. Существенная часть процесса принятия решений не представлена в сознании. Например, человек может не знать, как ему удалось решить математическую задачу, каким образом формируется его речь. Вся эта машинерия скрыта от сознания. Автор этих предложений «знакомится» с ними практически в тот же момент, что печатает их. Нетрудно убедиться в том, что действия, которые традиционно приписываются агенту, в существенной мере происходят за «сценой сознания». Значит ли, что тогда их источником не является этот агент? Только в том случае, если агент отождествляется с сознательными состояниями и вне их не существует, то есть он «мерцает» между эпизодами наличия сознания и его отсутствия. Такая «мерцающая» теория агента представляется сомнительной и не экономичной и вновь неявно грозит дуалистической онтологией. Действия человека связаны с его памятью, опытом, знаниями, убеждениями, которые очевидно не представлены сразу в одном из актов сознания, но которые определяют, *каким* агентом является человек и *как* он будет действовать. Поэтому границы действий агента и сам агент не совпадают с границами сознательных состояний. Более того, утверждать, что сознательные состояния не играют роли в поведении, можно только в том случае, если их наличие или отсутствие никак не сказывается на нем. Это тривиальным образом невозможно, поскольку изменения в сознательной истории агента есть изменения и в его физической истории. Отстаивание обратного тезиса – это мгновенное введение антинатуралистической гипотезы «левитирующего» сознания.

Тогда оппонент мог бы действовать в прямолинейной редукционистской манере – раз некоторые решения можно предсказать по физиологической активности, то любое действие можно предсказать таким образом. Если это так, то упоминания об агенте, его ментальной жизни будут элиминированы. Это очень сильный вид редукции, она подразумевает выводимость таких законов, которые *без остатка* могут «перевести» психологические высказывания на язык физиологии. Одним из результатов дискуссий в философии сознания является то, что такой «перевод» принципиально невозможен. Этому способствовала критика классической теории тождества на основании

обнаруживаемых в этих экспериментах физических предикторов. Также интересный вопрос представляет собой предположение Либета о силе вето. Подробно вопрос о технических сторонах эксперимента Либета и его общей значимости пишет Секацкая [Секацкая, 2020].

принципа множественной реализуемости [Putnam, 1967; Fodor, 2013 (1974)], рассуждения о невозможности строгих психофизических законов [Davidson, 1970], идея объяснительной независимости психологического объяснения [Dennett, 2009; 2010; Волков, 2018, с. 93–111], дискуссия об автономии специальных наук [Fodor, 1997], в отечественной философии это принцип инвариантности [Дубровский, 2013], аргумент каузальных траекторий [Васильев, 2009]. Список мог бы быть бесконечно длинным. Важно отметить, что тезис жесткой редукции ментального к физическому отвергается философами сознания независимо от их онтологических предпочтений. Рассмотрим вымышленную ситуацию.

На Землю прилетают пришельцы. Они в состоянии знать о мозге все, что можно знать с позиции третьего лица. Но они ничего не знают о планете Земля, о человечестве и его истории. Эти пришельцы не похожи на нас: они не наделены гуманоидными телами, их устройство отдаленно напоминает грибницу, у них существенно другая психика, их физиология не является органической. В распоряжение этих существ попадают глава Роскосмоса Дмитрий Рогозин и депутат Виталий Милонов. Смогут ли эти пришельцы определить на основании мозговой активности, что один думает о «космическом батуте», а другой считает теорию Дарвина «теорией гуся и поросся», даже если они обдумывают эти мысли в момент непосредственного изучения их мозгов? Ответ будет отрицательным, поскольку убеждения и пропозициональные установки связаны с историей отдельного человека, его культурным и социальным окружением. Другими словами, они *нелокальны* или представляют собой вид т.н. *широкого контента* ментальных состояний, который в существенной мере определяется отношениями со средой [Jackson, Pettit, 1988]. Пришельцы даже не смогут определить, являются ли Милонов и Рогозин россиянами или древними египтянами. Сама по себе материя мозга не в состоянии ничего сказать ни об убеждениях, ни о культурной принадлежности. Следовательно, и предсказывать их дальнейшие поступки и решения лишь с учетом мозговой активности пришельцы не смогут. Данная история показывает, почему невозможна грубая редукция ментального к физическому. Но также из нее можно получить более сильный вывод – предсказание лишь на основе знания мозговой активности невозможно, если говорить о решениях и поведении человека, основанном на делиберации, на обдумывании своих поступков. Если посмотреть на эксперименты Либета и Хайнса, то в них экспериментаторам *известно, какую задачу решают испытуемые, сколько вариантов решения перед ними имеется и что у испытуемых есть общее осознанное намерение* следовать указаниям экспериментаторов, без которого эксперимент *не смог бы состояться*. Очевидно, что это знание не является знанием нейрофизиологических фактов и что без этого знания построить предсказание

невозможно, а *сознательные намерения* испытуемых следовать указаниям *играют исключительную роль* в проведении экспериментов. Более того, успех эксперимента связан и с тем, что сами экспериментаторы тоже являются людьми, а не грибами. Речи о *чистом* нейрофизиологическом предсказывании решений никогда и не шло.

Эта критика может пойти еще дальше. Мили разделяет намерения на дистальные и проксимальные [Mele, 1992, pp. 143–144, 158]. Проксимальные намерения связаны с действиями агента *сейчас*, а дистальные – в будущем. В экспериментах Либета и Хайнса речь идет о проксимальных намерениях. Это обуславливает успех предсказания.

Можно ли свести свободу воли к проксимальным намерениям? Свобода воли связана с контролем агентом своих действий, без контроля она невозможна. Это значит, что она не связана с автоматизмами как физиологическими, так и ментальными. К ментальным можно отнести действия в состоянии аффекта. Также за пределами контроля находятся желания первого порядка вроде желания спать, есть или сексуального влечения: они не контролируют поведение в том смысле, в каком это делает агент, чувствительный к рациональным доводам или способный корректировать свое поведение (здесь я следую идеям Фишера о контроле [Fischer, 1982]). Когда речь идет о контроле, то важную роль играют желания второго порядка и дистальные намерения, так как они регулируют проксимальные намерения и желания первого порядка, позволяя агенту следовать долгосрочным целям и корректировать модели своего поведения. Именно поэтому свободу воли нельзя редуцировать к проксимальным намерениям, так как они не связаны с тем видом контроля, который для нее необходим.

В основании действий испытуемых в рассматриваемых экспериментах лежит дистальное намерение следовать указаниям экспериментаторов, которое связано с общей способностью агентов быть восприимчивыми к рациональным доводам. Способности агента варьировать и создавать новые модели поведения, которые регулируют его эмоциональные порывы, желания первого порядка, способность корректировать поведение под действием рациональных доводов, следовать долгосрочным целям определяют наличие свободы воли.

Искушенный читатель может указать, что в изложенных критериях свободы воли скрывается немало технических и концептуальных проблем. Однако для целей настоящей статьи сказано достаточно, чтобы утверждать, что эксперименты с предсказанием лишь по касательной соприкасаются с понятием свободы воли. Пока я заострю внимание на том, что свобода воли не является какой-то одной способностью к контролю, а скорее объединяет целый ряд способностей агента к контролю и регуляции своего поведения³.

---

³ Схожий взгляд на свободу воли как набор способностей разрабатывает Эдди Намиас [Nahmiass, 2018, pp. 492–507].

2. Аргумент от манипуляции

Аргументы от манипуляции заключаются в том, действия агента *манипулируются* физиологией, он не в состоянии сопротивляться манипулирующему воздействию и постоянно ошибается относительно *истинных* причин своего поведения, полагая, что они связаны с его сознательными намерениями. Если это так, то свободы воли нет.

Известным примером такого аргумента являются рассуждения Сапольски [Сапольски, 2018; 2021, web]. Он ссылается на исследование судебной практики по условно-досрочному освобождению [Danziger, Levav, Avnaim-Pesso, 2011]. Выяснилось, что процент положительных решений в течение одного заседания снижался от 65% практически к нулю. Но после перерыва на прием пищи этот процент вновь восстанавливался. Судьи не знают, что их решения подвержены значительным отклонениям. Сапольски заявляет, что снижение уровня глюкозы в крови руководит принятием судебных решений. Несмотря на популярность этого примера, данные существенно искажены. Он систематически ошибается в цифрах, указывая 60, а не 65%. Утверждение о значимости уровня глюкозы отсутствует в оригинальном исследовании: ученые осторожно предположили, что виной всему может быть умственное истощение, и прямо указывают, что не могут сказать точно, какой здесь механизм. Сапольски [Сапольски, 2021, web] утверждает, что это исследование «перепроверяли, как только можно»⁴. Это не согласуется с фактами. Например, в статье Глокнера [Glöckner, 2016] указывается на наличие серьезного артефакта в статистике оригинального исследования, а также то обстоятельство, что судьи стремятся не рассматривать сложные дела ближе к перерыву, чтобы заседание не затягивалось, поэтому берут те, в которых все относительно ясно – не удовлетворять прошение о досрочном освобождении. Об этом говорит и непропорциональное количество времени, которое затрачивается на положительные и отрицательные решения.

Но допустим, что в аргументе Сапольски нет искажений и подлогов и что схожее исследование, где неприятный запах повышает консерватизм человека [Pizarro, Inbar, Helion, 2011], излагается им корректно. В конечном счете наличие когнитивных искажений у агента не подлежит сомнению⁵. Однако здесь возникают серьезные парадоксы. Пусть малозначительные физиологические факторы способны *постоянно* оказывать решающее воздействие на поведение. Если бы это было так, то агенты вели бы себя совершенно хаотичным

⁴ 6:15, весь кусок 3:35–7:08 [Сапольски, 2021, web].

⁵ Существенный вклад в развитие исследований когнитивных искажений внесли работы Тверски и Канемана [Tversky, Kahneman, 2013, pp. 261–268].

образом и не были бы в состоянии преследовать долгосрочные цели, обладать устойчивыми убеждениями, поскольку этому мешала исключительная чувствительность к уровню глюкозы в крови, к запахам, звукам, освещенности и массе других обстоятельств. Возможно, правильная смесь запахов и звуков сделала бы философов-идеалистов материалистами, а христиан – сатанистами. Другими словами, мелкие факторы должны иметь глобальное воздействие. Подобного рода чувствительность делает маловероятной выживание биологического вида.

Но допустим, что незначительные физиологические факторы в каких-то ситуациях приобретают значительную роль. Пусть судьи тем больше принимали отрицательных решений, чем ниже был уровень глюкозы в крови. Представим, что они узнают об этом. Очевидно, что это знание позволит им внести коррективы в свое поведение – то есть при тех же самых обстоятельствах вести себя иначе. Способность агента корректировать свое поведение под действием рациональных доводов не может обеспечить Сапольски того, что он хочет извлечь из своих примеров. Более того, агент не находится в состоянии постоянного неведения причин своего поведения, он может их узнавать и использовать это знание. В целом нет оснований утверждать, что раз поведение человека может быть подвержено когнитивным искажениям, то оно *всегда* им подвержено. А именно это требуется для успеха манипулятивных рассуждений против свободы воли⁶.

Оппонент мог бы возразить, что так как агент фундирован физиологией (см. следующий параграф), то именно в этом смысле физиология им манипулирует. Такое рассуждение содержит в себе парадокс, так как опирается на общее правило: (i) если *X* фундирован *Y*, то *X* манипулируется *Y*. Возьмем знаменитый пример с кораблем Тесея и досками, из которых он состоит. Истинно, что корабль Тесея фундируется досками. Согласно (i) следует вывод, что доски *манипулируют* кораблем Тесея. Это заключение абсурдно. Здесь невозможно само отношение манипуляции, поскольку между досками и кораблем Тесея нет каузальных связей. Но нет их и между агентом и его физиологией.

В исследовании Барнхилл [Barnhill, 2014] систематизируются разные подходы к понятию манипуляции. Один из его выводов заключается в том, что это понятие необходимо включает в себя манипулирующего агента и агента, который не знает о факте воздействия, это «процесс межличностного влияния». Отсюда ясно, что в аргументах от манипуляции даже не идет речи о манипуляции. Природа

⁶ К тому же наличие когнитивных искажений можно объяснять как указание на наличие эволюционных преимуществ, которые позволяют агентам успешно справиться с ситуациями неопределенности [Haselton, Nettle, Murray, 2015, pp. 1–20].

не манипулятор [Dennett, 1984, p. 61]. Беседин [Беседин, 2017] усиливает этот тезис, стремясь показать, что детерминизм не может нами манипулировать. Кроме того, мы в состоянии сопротивляться манипулирующему воздействию. Манипуляция является естественным видом коммуникации между людьми. В большинстве случаев мы не убеждаем друг к друга средствами рациональной аргументации. Понятие манипуляции таково, что оно не в состоянии элиминировать свободу воли.

3. Аргумент от мозга

Аргумент от мозга заключается в том, что поведение и ментальная жизнь фундируются мозговой активностью. Следовательно, агент – это мозг, а свобода воли – иллюзия, поскольку есть только мозговые процессы. Данный аргумент не является собственно эмпирическим, а опирается на общее отрицание ментальной каузальности, которое принимает либо форму эпифеноменализма, либо радикального элиминативизма. Первая позиция является дуалистической и утверждает, что ментальные события порождаются физическими, но не обладают каузальной силой. Вторая позиция является выражением вульгарного материализма.

Эпифеноменализм постулирует, по выражению Фейгла, «номологических бездельников». Такое допущение прежде всего не согласуется с базовыми объяснительными принципами. Если нечто обладает нулевым каузальным потенциалом, тогда его наличие или отсутствие ничего не меняет в истории мира. Следовательно, нет каких-либо оснований допускать его существование. Эпифеноменализм является откровенно антинатуралистической позицией. Таким образом, сторонник аргумента от мозга может прибегать к эпифеноменалистской трактовке ментальных состояний, только если готов порвать с натурализмом.

Тогда материалистическое истолкование аргумента от мозга может показаться более привлекательным. Но только до тех пор, пока не откроется, что сердцем современного физикализма является не отрицание, а объяснение ментальной каузальности. Физикалисты считают это одним из главных преимуществ своей позиции над дуалистическими альтернативами. Одним из аргументов в пользу физикализма является каузальный аргумент [Parineau, 2002, pp. 17–18].

Для физикалистов характерно отрицание проблемы ментальной каузальности, а не самой ментальной каузальности. Даже если она и признаётся [Kim, 1998], то заключается в том, *как* объяснить ментальную каузальность, а не в том, *есть* ли она или нет. Для сторонника аргумента от мозга необходимо, чтобы физикализм сводился

к грубому элиминативизму. Такая форма физикализма не находит поддержки у современных философов, а ее принятие незамедлительно ведет к серьезным парадоксам.

Рассмотрим обобщенный элиминативистский тезис – (ii) если X реализовано P , то X не существует. В таком случае необходимым условием существования P является то, что оно ничем не реализовано. Рассмотрим частный случай – ментальное реализовано мозгом. Незамедлительно следует вывод, что есть только мозг, а остальное, включая агента и свободу воли, – иллюзия (см. ниже). Тогда мозг существует только в том случае, если он ничем не реализован. Но это не так, ведь он реализуется большим количеством клеток. Значит, мозг не существует. Тогда существуют клетки. Нетрудно догадаться, что и здесь применима та же тактика. В конечном счете мы оказываемся в ситуации, когда *любые* утверждения о существовании становятся невозможными. Самих этих строк тоже не существует. Онтологическая стратегия, заключенная в магической фразе «я есть мозг», ведет к абсурду в онтологии. Более того, она противоречит научной онтологии, в которой наряду с низкоуровневыми сущностями признаются и высокоуровневые. Есть два выхода из этой ситуации:

1. Отказ от «слоистой» онтологии, которая подразумевает наличие некоторого исходного уровня. Здесь каузальная действенность гарантируется тем, что свойства высокого порядка «наследуют» каузальные силы свойств низкого порядка, но результирующая каузальная сила свойств высокого порядка не совпадает с отдельными каузальными силами свойств низкого порядка [Kim, 1998].

2. Объяснительная независимость. Это решение связано с практикой объяснения в естественных науках, когда объяснительная независимость, например, психологии от нейронауки позволяет говорить о существовании психологических свойств. Объяснительная независимость означает отсутствие жесткой редукции одних феноменов к другим. Можно, конечно, утверждать, что объяснительная независимость – понятие условное и наука будущего сможет ее нивелировать. Однако в отношении многих свойств (психологических, культурных, свойств специальных наук) есть серьезные аргументы, почему это невозможно. Выше я привел собственный аргумент, а также ссылки на другие работы по этой теме. Аргумент от мозга является не только онтологически абсурдным, но и антинатуралистическим.

Но оппонент возразит: физические вещи реальны, но ментальных вещей нет. В новой итерации взгляда «все есть мозг» обнаруживается то, что я бы назвал «ошибка субстантивации». Субстантивация феноменов заключается в придании объясняемому феномену некоторой сущности. Например, раз мы говорим о тепле, то есть теплород, о любви – значит есть сущность «любовь» и так далее. Согласно такой установке у существования есть неотторжимый вещностный характер. Это наивный взгляд на онтологию. Но может

показаться, что он не испытывает трудностей, когда дело касается физического. В этом и заключается проблема – в понятии физического нельзя обнаружить предполагаемую «вещность». На это указывает аргумент внутренних свойств [Seager, 2006], базирующийся на понимании физических свойств как реляционных и диспозиционных [Chalmers, 2015]. Любой физический параметр является диспозиционной или реляционной характеристикой. Если это так, то необходимы некоторые внутренние свойства, которые являются необходимым условием наличия диспозиций, структур и отношений. Поэтому фраза «все есть физическое», равно как и генетически связанная «все есть мозг», не может обладать ультимативным онтологическим смыслом в отношении свободы воли. Отчасти свойства натуралистической онтологии «виртуальны». Поэтому свобода воли не может быть менее реальной или вовсе отсутствовать, потому что она не вещественна. Кажется, что здесь я веду к довольно радикальному онтологическому релятивизму. Это не так. Для моего рассуждения достаточно, что мы не можем проводить границу существования в научной онтологии по критерию «вещности». Как и мозг, свобода воли характеризуется в функциональных терминах. Функциональная характеристика не проводит онтологических разграничений. Функции контроля нельзя редуцировать к физическим функциям. Следовательно, они реальны.

В аргументе от мозга скрыто еще два парадокса – инверсия «категориальной ошибки» и моральный парадокс. Инверсия «категориальной ошибки» – это включение физического домена в психологический. Примером могут служить фразы «нейрон хочет», «мозг принимает решения». Физическим сущностям приписываются психологические свойства. Если бы этот ход был бы законным, тогда в физике фигурировали бы желания, интенции и тому подобное. Эта позиция также грозит неприятным удвоением – «это не агент хочет, а его мозг хочет». Здесь постулируются две вещи в одном месте – агент и его мозг. Такая онтология не обуславливается никаким эмпирическим исследованием и, очевидно, является избыточной. Однако если устранить этот избыток (устранить агента), то инверсия «категориальной ошибки» все равно никуда не исчезает. Но можно сказать тогда, что нет ни желаний, ни других ментальных состояний, а фразы вроде «мозг желает» являются условными, и за ними не скрывается никакого ментального содержания. В таком случае перестают существовать и моральные агенты, в интересах которых в случае такой отмены свободы воли предполагается изменение практик наказания – нет необходимости заботиться о нейронах.

Таким образом, аргумент от мозга метафизически противоречив и расходится с принципами научного объяснения.

4. Аргумент от иллюзии

«Иллюзия свободы воли – это ложное ощущение контроля над своими действиями: людям кажется, что они могут осознанно выбирать, как поступить, однако все их поступки лишь результат бессознательной нейронной активности» [Левин, Югай, 2019, с. 92]. Это виллюзионизм, главной проблемой которого и является понятие иллюзии.

Левин и Югай оригинально это показывают посредством мысленного эксперимента с доктором Стрэнджлавом, страдающим от синдрома «чужой руки». Он обращается к нейроученому-виллюзионисту Мэри с просьбой вернуть контроль над рукой. Но контроль для нее – это иллюзия, и она делает так, чтобы всякий раз, когда двигается «чужая» рука, это сопровождалось желанием Стрэнджлава осуществить это движение. Так как «чужая» рука двигается спонтанно, то и соответствующее желание появляется спонтанно. Более того, Стрэнджлав не может противиться этому желанию. У него систематически рассогласована связь между желанием первого порядка двигать рукой и желанием второго порядка – воздерживаться от движения. Он легко это обнаруживает и вновь обращается с просьбой к Мэри. Очевидно, если Мэри будет следовать виллюзионистской установке, она не сможет вернуть контроль над «чужой» рукой. Таким образом, виллюзионистское представление о контроле непоследовательно.

Но можно построить аргументацию и от самого понятия иллюзии. Иллюзия – это когнитивная ошибка, заключающаяся в обманчивом восприятии, которое не соответствует действительности. Рационально избавляться от ошибок. Допустим, что чувство контроля – это иллюзия контроля. Значит, от нее необходимо избавиться. Предположим, Сергей освободился от иллюзии контроля. Значит, он больше не придерживается убеждения о наличии контроля. Одним из следствий такого отказа будет проблема с договоренностями. Поскольку Сергей убежден, что не контролирует свои поступки, то не может ничего обещать. Он пассивный наблюдатель поведения своего тела. Следование любым долгосрочным целям становится невозможным. Но представьте, что в один момент все жители Земли избавились от этой иллюзии. Функционирование важнейших инфраструктурных объектов – от атомных станций до больниц – стало бы невозможным. Масштаб катастрофы походил бы на сюжет фильмов о конце света. Ситуация парадоксальна вдвойне. Помимо того, что последовательное признание иллюзорности контроля ведет к невозможности социального порядка, уничтожение этого порядка не было бы возможно *без изменения убеждений людей в отношении контроля*. Но если контроль – это иллюзия, то изменения в убеждениях не могут оказывать влияния на поведение человека, иначе растворяется понятие

иллюзии, так как отсутствие контроля говорит и о том, что убеждения не могут играть роли в поведении. Понятие иллюзии изнутри подрывает вилюзионистский подход.

Чтобы закрепить полученный результат, сравним вилюзионизм с иллюзионизмом в философии сознания. Иллюзионистский тезис заключается в том, что феноменального сознания не существует, мы лишь *предрасположены* говорить так, как если бы оно существовало. Но иллюзионисты не утверждают, что сознания не существует, поскольку нет феноменального сознания. Если бы вилюзионистский тезис был аналогичен иллюзионистскому, тогда вилюзионисты отрицали бы свободу воли в качестве некоторой сущности, магической силы, с чем вполне можно было бы согласиться, но они идут гораздо дальше и призывают отказаться от какого бы то ни было понятия свободы воли. Это еще раз говорит о том, что противник свободы воли если и может полагаться на материализм, то на самую вульгарную и нежизнеспособную его форму.

На предложенную аргументацию вилюзионист мог бы попытаться разыграть карту, что все так или иначе обуславливается мозговыми процессами. Но эта возможность уже закрыта рассуждениями выше.

5. Аргумент от подмены понятий

Онтологически нейтральное понятие свободы воли как набора способностей к контролю сталкивается с возражением, что философы подменяют «настоящее» понятие свободы воли. Ярко им пользуется Харрис [Dennett, Harris, 2016, web]. По его мнению, большинство людей придерживается либертарианского взгляда на свободу воли, что это некоторая «магическая» нематериальная сила, которая вмешивается в ход физических событий и обеспечивает выбор альтернатив будущего. Он приводит аналогию с Атлантидой. Несмотря на то, что подводного царства никогда не существовало, кто-то может утверждать, что на самом деле Атлантида – это Сицилия, поскольку некоторые утверждения об Атлантиде верны и для Сицилии. Тот же самый ход делают философы, превращая «настоящую» свободу воли в «Сицилию». Утверждение, что такое «настоящее» понятие свободы воли интуитивно и разделяется большинством людей, страдает не только от отсутствия аргументов, но и от того, что оно прямо противоречит имеющимся на этот счет исследованиям [Nahmias, Murray, 2011; Stillman, Baumeister, Mele, 2011]. Но почему необходимо ориентироваться на мнение большинства людей о свободе воли? Термин «свобода воли» является техническим, он не используется в обычной речи, как и термины «квант», «кварк». Можно встретить «кухонные» рассуждения о квантовой механике. Но они нерелевантны для

теоретической физики. К тому же наделение сущностью того или иного феномена может быть примером ошибки субстантивации. Если человек склонен субстантивировать свободу воли в том же смысле, как он поступает с любовью или судьбой, это не значит, что такой подход к исследованию должен перенимать философ или ученый. Задача философа и ученого делать наши объяснительные модели лучше, а не хуже.

Но представим на секунду, что и впрямь обычные люди думают о свободе воли, что она связана с особой нефизической силой, которая способна размыкать ряды физических событий. Это значило бы, что на вопрос, почему Василий совершил свободный поступок, Василий бы мгновенно ответил, что только что разомкнул ряды физических событий. Все это звучит абсурдно. Распространенное мнение, что обычные люди являются стихийными дуалистами, в действительности ничем не подкреплено. Скорее у них нет никаких дефолтных онтологических установок или философских позиций. А если у некоторых из них и есть, то на них не должны ориентироваться философы в том же смысле, в каком физики не должны ориентироваться на то, что обычный человек думает о кванте.

Можно возразить, что в истории философии можно найти немало примеров того, что свобода воли понимается именно в либертарианском смысле. На это можно возразить, что фактически с появлением дискуссии о свободе воли в Новое время сразу оформляется и компатибилистская позиция, которая не прибегает к тяжеловесным метафизическим допущениям. Но если всё-таки попробовать обвинить философов в подмене понятий на этом основании, то то же самое следует сделать и в отношении современных ученых, ведь для них тепло больше не является теплотородом, тогда «на самом деле» тепла нет, это иллюзия, а ученые подменяют Атлантиду тепла – Сицилией. Такой концептуальный подход к свободе воли легко превратить в крестовый поход против науки в целом. Как в науке, так и в философии есть прогресс. Отчасти он заключается в избавлении от избыточных метафизических допущений, что ярко видно на примере современных дискуссий о свободе воли.

Заключение

Конечно, в метафизическом вопросе о свободе воле не поставлена точка. Но из этой статьи видно, что не наука угрожает свободе воли, а грубая как дуалистическая, так и материалистическая метафизика, вступающая в противоречие с натуралистическим подходом. Взгляд на свободу воли как на набор способностей агента к контролю является всецело натуралистическим. Данную позицию можно обозначить

как натуралистический компатибилизм. Популярные в публичном пространстве «научные» аргументы против свободы воли идут вразрез с духом и принципами натуралистического исследования, являются его «химерой». Отстаиваемая здесь позиция ведет к коррекции вопроса о свободе воли, который, как мне кажется, заключается не в том, есть ли она или нет, а в том, что означает ее наличие для наших онтологических и моральных установок, насколько сильно она распространена.

Натурализм необходимо реабилитировать и освободить от давления антинатуралистической идеологии. Поэтому у меня не вызывает согласия идеологизированный по своей сути поход против натурализма Габриэля [Габриэль, 2020]. Понимание натурализма как инструмента по отделению научного от ненаучного, как ценностной установки является источником его химеризации, поскольку здесь дух научного исследования политизируется и приобретает репрессивные черты.

Однако является ли роль аргументов от эмпирической науки исключительно демонстративной, как было заявлено в начале статьи? Здесь я должен скорректировать свое видение и сказать, что в отношении метафизической головоломки проблемы свободы воли – да, но в отношении вопроса о том, насколько широко она представлена и насколько велико ее пространство, – нет. Это вытекает из отстаиваемого представления о свободе воли как наборе способностей. В таком случае, например, появляются основания для заключения о том, есть ли у тех или иных нечеловеческих видов свобода воли и насколько велика она у человека. По моему мнению, научные аргументы показывают, как сильно сужено пространство для свободы. В данном случае я бы говорил об «искрах свободы», пользуясь удачным выражением Фишера [Fischer, 1994].

Можно заявить, что в этом тексте не указаны какие-то иные важные эмпирические аргументы против свободы воли. На это можно ответить тем, что данная работа концентрируется именно на разборе типов аргументов, когда частные случаи могут быть отнесены к тому или иному типу. На оппоненте лежит бремя доказательства, что это не так.

Список литературы

- Беседин, 2016 – *Беседин А.* Может ли детерминизм нами манипулировать? // Логос. 2016. Т. 26. № 5. С. 201–212.
- Беседин, 2018 – *Беседин А.П.* Манифест сумбурного инкомпатибилизма / Рец. на кн. Харрис С. Свобода воли, которой не существует // Hardproblem.ru, URL: <https://hardproblem.ru/en/posts/Events/review-of-artem-besedin-on-the-russian-edition-of-sam-harris-book-free-will/> (дата обращения: 30.10.2021).

Васильев, 2009 – *Васильев В.В.* «Трудная проблема сознания» и два аргумента в пользу интеракционизма // *Философия сознания: аналитическая традиция*. Третьи Грязновские чтения. 2009. С. 32–40.

Васильев, 2017 – *Васильев В.В.* В защиту классического компатибилизма. М.: URSS, 2017. 200 с.

Волков, 2018 – *Волков Д.Б.* Свобода воли: иллюзия или возможность. М.: Kar'era Press, 2018. 368 с.

Габриэль, 2020 – *Габриэль М.* Я не есть мозг: Философия духа XXI века / Пер. с нем. Д. Миронова. М.: URSS, 2020. 304 с.

Газзанига, 2020 – *Газзанига М.* Кто за главного? Свобода воли с точки зрения нейробиологии / Пер. с англ. А. Якименко. М.: Litres, 2020. 368 с.

Дубровский, 2013 – *Дубровский Д.И.* Проблема «сознание и мозг»: информационный подход // *Знание. Понимание. Умение*. 2013. № 4. С. 92–98.

Ключарев, 2017 – *Ключарев В.А.* Свобода воли: Нейроэкономический подход // *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*. 2017. № 6. С. 755–760.

Левин, 2018 – *Левин С.М.* Свобода воли, наука и причины поведения // *Эпистемология и философия науки*. 2018. Т. 55. № 2. С. 153–164.

Левин, Югай, 2019 – *Левин С.М., Югай В.С.* Иллюзия выбора и неконтролируемые действия // *Философский журнал*. 2019. Т. 12. № 2. С. 92–102.

Марков, 2019 – *Марков А.В.* Свободы воли нет. Сознание – иллюзия. Мы – биороботы. URL: <https://youtu.be/bVjLNVmtS7M> (дата обращения: 30.10.2021).

Мишура, 2016 – *Мишура А.С.* Наука о свободе воли: философия и/или нейропсихология // *Мысль: Журнал Петербургского философского общества*. 2016. С. 170–178.

Разеев, 2017 – *Разеев Д.Н.* Проблема свободы воли в контексте исследований нейронауки // *Журнал высшей нервной деятельности им. И.П. Павлова*. 2017. № 6. С. 721–727.

Сапольски, 2018 – *Сапольски Р.* Биология добра и зла: Как наука объясняет наши поступки. М.: Альпина Паблишер, 2018. 766 с.

Сапольски, 2021 – *Сапольски Р.* О справедливости и морали в отсутствие свободы воли // *Vert Dider*, 2021. URL: <https://youtu.be/7a6kjpGcCGo> (дата обращения: 30.10.2021).

Секацкая, 2016 – *Секацкая М.А.* Свобода воли и предсказуемость. Философский анализ современных исследований в нейронауке // *Вопросы философии*. 2016. № 3. С. 163–169.

Секацкая, 2020 – *Секацкая М.А.* Философская значимость исследований свободы воли в нейронауке на примере интерпретаций экспериментов Б. Либета // *Вопросы философии*. 2020. 7. С. 113–123.

Харрис, 2015 – *Харрис С.* Свобода воли, которой не существует / Пер. с англ. А. Соколинская. М.: Альпина Паблишер, 2015. 112 с.

References

Barnill, 2014 – Barnhill, A. “What Is Manipulation?”, in C. Coons, M. Weber (eds). *Manipulation: Theory and Practice*. New York: Oxford University Press, 2014, pp. 51–72.

Besedin, A.P. “Mozhet li determinizm nami manipulirovat’?” [Can Determinism Manipulate Us?], *Logos*, 2016, vol. 26, no. 5, pp. 201–212. (In Russian)

Besedin, A.P. “Manifest sumburnogo inkompatibilizma. Retsenziya na knigu Harris S. Svoboda voli, kotoroi ne sushchestvuet” [Manifesto of Chaotic Incompatibilism. Review of the Book by Harris S. Free Will that Does not Exist], 2018 [https://hardproblem.ru/en/posts/Events/review-of-artem-besedin-on-the-russian-edition-of-sam-harris-book-free-will/, accessed on 31.10.2021]. (In Russian)

Chalmers, 2015 – Chalmers, D. “Panpsychism and Panprotopsyhism”, *Consciousness in the Physical World: Perspectives on Russellian Monism*, 2015, pp. 246–276.

Danziger et al., 2011 – Danziger, S., Levav, J., Avnaim-Pesso, L. “Extraneous Factors in Judicial Decisions”, *Proceedings of the National Academy of Sciences*, 2011, no. 17, pp. 6889–6892.

Davidson, 1970 – Davidson, D. “Mental Events”. Reprinted in D. Davidson (1980) *Essays on Actions and Events*, 1970, pp. 201–224.

Dennett, Harris, 2016 – Dennett, D., Harris, S. “Does Free Will Exist?”, *Sam Harris and Dan Dennett Discussion*. 2016 (October) [https://medium.com/@mgmbrien/does-free-will-exist-sam-harris-and-dan-dennett-discuss-a3d54259a417, accessed on 30.10.2021].

Dennett, 2009 – Dennett, D. “Intentional Systems Theory”, in: McLaughlin, B., Beckermann, A., Walter, S. (eds) *The Oxford Handbook of Philosophy of Mind*. Oxford University Press, 2009, pp. 339–350.

Dennett, 1984 – Dennett, D. *Elbow Room: The Varieties of Free Will Worth Wanting*. Cambridge, MA: MIT Press, 1984. 212 pp.

Dennett, 2010 – Dennett, D. “Two Black Boxes: A Fable”, *Activitas Nervosa Superior*, 2010, vol. 52, no. 2, pp. 81–84.

Dubrovskii, D.I. “Problema “soznanie i mozg”: informatsionnyi podkhod” [The Problem of “Consciousness and the Brain”: Informational Approach], *Znanie. Poni-manie. Umenie*, 2013, no. 4, pp. 92–98. (In Russian)

Fischer, 1994 – Fischer, J.M. *The Metaphysics of Free Will*. Vol. 1. Oxford: Blackwell, 1994.

Fischer, 1982 – Fischer, J.M. “Responsibility and Control”, *The Journal of Philosophy*, 1982, no. 1, pp. 24–40.

Fodor, 2013 – Fodor, J. “Special Sciences, or The Disunity of Science as a Working Hypothesis”, *Readings in Philosophy of Psychology, Vol. I*. Harvard University Press, 2013, pp. 120–133.

Fodor, 1997 – Fodor, J. “Special Sciences: Still Autonomous after All These Years”, *Philosophical Perspectives*, 1997, no. 11, pp. 149–163.

Gabriel, 2017 – Gabriel, M. *I am Not a Brain: Philosophy of Mind for the 21st Century*. John Wiley & Sons, 2017. 240 pp.

Gazzaniga, 2020 – Gazzaniga, M. *Kto za glavnogo? Svoboda voli s tochki zreniya neurobiologii* [Who's in Charge? Free Will and the Science of the Brain]. Moscow: Litres, 2020. 368 pp. (Trans. into Russian)

Glöckner, 2016 – Glöckner, A. “The Irrational Hungry Judge Effect Revisited: Simulations Reveal that the Magnitude of the Effect is Overestimated”, *Judgment and Decision Making*, 2016, no. 6, pp. 601–610.

Harris, 2015 – Harris, S. *Svoboda voli, kotoroi ne sushchestvuet* [Free Will]. Moscow: Al'pina Publisher, 2015, 112 pp. (Trans. into Russian)

Haselton et al., 2015 – Haselton, M.G., Nettle, D., Murray, D.R. “The Evolution of Cognitive Bias”, in: Bass, D. (ed.) *The Handbook of Evolutionary Psychology*, 2015, pp. 1–20.

Jackson, Pettit, 1988 – Jackson, F., Pettit, P. “Functionalism and Broad Content”, *Mind*, 1988, no. 387, pp. 381–400.

Kim, 1998 – Kim, J. *Mind in a Physical World: An Essay on the Mind-Body Problem and Mental Causation*. Cambridge (Mass.): MIT Press, 1998, 146 pp.

Klyucharev, V.A. “Svoboda voli: Neuroekonomicheskii podkhod” [Free Will: A Neuroeconomic Approach], *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*, 2017, no. 6. pp. 755–760. (In Russian)

Levin, S.M., Yugai, V.S. “Illyuziya vybora i nekontroliruemye deistviya” [Illusion of Choice and Uncontrollable Actions], *Filosofskii zhurnal – Philosophy Journal*, 2019, no. 2, pp. 92–102.

Levin, S.M. “Svoboda voli, nauka i prichiny povedeniya” [Free Will, Science and Causes of Behavior], *Epistemology & Philosophy of Science*, 2018, no. 2, pp. 153–164.

Libet et al., 1983 – Libet, B., Wright, Jr E.W., Gleason, C.A. “Preparation-or Intention-to-Act, in Relation to Pre-event Potentials Recorded at the Vertex”, *Electroencephalography and clinical Neurophysiology*, 1983, no. 4, pp. 367–372.

Libet, 1985 – Libet, B. “Unconscious Cerebral Initiative and the Role of Conscious Will in Voluntary Action”, *Behavioral and Brain Sciences*, 1985, no. 4, pp. 529–539.

Markov, A.V. “Svobody voli net. Soznanie – illyuziya. My – bioroboty” [There Is No Free Will. Consciousness Is an Illusion. We Are Biorobots]. 2019 [https://youtu.be/bVjLNVmtS7M, accessed on 31.10.2021]. (In Russian)

Mele et al., 2009 – Mele, A.R., William, H., Lucyle, T. *Effective Intentions: The Power of Conscious Will*. Oxford University Press on Demand, 2009, 177 pp.

Mele, 2014 – Mele, A.R. *Free: Why Science Hasn't Disproved Free Will*. Oxford University Press, 2014, 99 pp.

Mishura, A.S. “Nauka o svobode voli: filosofiya i/ili neiropsikhologiya” [The Science of Free Will: Philosophy and/or Neuropsychology], *Mysl': Zhurnal Peterburgskogo filosofskogo obshchestva*, 2016, no. 21, pp. 170–178. (In Russian)

Nahmias, Murray, 2011 – Nahmias, E., Murray, D. “Experimental Philosophy on Free Will: An Error Theory for Incompatibilist Intuitions”, *New Waves in Philosophy of Action*. London: Palgrave Macmillan, 2011, pp. 189–216.

Nahmias, 2018 – Nahmias, E. “Free Will as a Psychological Accomplishment”, in: Schmidtz, D., Pavel, C.E. (ed.). *The Oxford Handbook of Freedom*. Oxford University Press, 2018, pp. 492–507.

Papineau, 2002 – Papineau, D. *Thinking about Consciousness*. Oxford: Clarendon Press, 2002, 270 pp.

Pereboom, 2014 – Pereboom, D. *Free will, Agency, and Meaning in Life*. Oxford University Press, 2014, 218 pp.

Pereboom, 2013 – Pereboom, D. “Optimistic Skepticism about Free Will”, *The Philosophy of Free Will: Selected Contemporary Readings*, 2013, pp. 421–449.

Pizarro et al., 2011 – Pizarro, D., Inbar, Y., Helion, C. “On Disgust and Moral Judgment”, *Emotion Review*, 2011, no. 3, pp. 267–268.

Putnam, H. “Psychological predicates”. *Art, mind, and religion*. 1967, pp. 37–48.

Razeev, D.N. “Problema svobody voli v kontekste issledovaniy neironauki” [The Problem of Free Will in the Context of Neuroscience Research], *Zhurnal vysshei nervnoi deyatel'nosti im. I.P. Pavlova*, 2017, no. 6, pp. 721–727. (In Russian)

Sapolsky, R. *Biologiya dobra i zla: Kak nauka ob'yasnyayet nashi postupki* [Behave: The Biology of Humans at Our Best and Worst]. Moscow: Al'pina Publisher, 2018, 766 pp. (Trans. into Russian)

Sapolsky, R. “O spravedlivosti i morali v otsutstvie svobody voli” [On Justice and Morality in the Absence of Free Will]. *Vert Dider*, 2021 [https://youtu.be/7a6kjpGcCGo, accessed on 31.10.2021]. (In Russian)

Seager, 2006 – Seager, W. “The ‘Intrinsic Nature’ Argument for Panpsychism”, *Journal of Consciousness Studies*, 2006, no. 10–11, pp. 129–145.

Sekatskaya, M.A. “Filosofskaya znachimost' issledovaniy svobody voli v neironauke na primere interpretatsii eksperimentov B. Libeta” [Philosophical Significance of Research on Free Will in Neuroscience on the Example of Interpretations of B. Libet's Experiments], *Voprosy filosofii*, 2020, no. 7, pp. 113–123. (In Russian)

Sekatskaya, M.A. “Svoboda voli i predskazuemost'”. *Filosofskii analiz sovremennykh issledovaniy v neironauke* [Free Will and Predictability. Philosophical Analysis of Modern Research in Neuroscience], *Voprosy filosofii*, 2016, no. 3, pp. 163–169. (In Russian)

Soon, 2008 – Soon, C.S. et al. “Unconscious Determinants of Free Decisions in the Human Brain”, *Nature Neuroscience*, 2008, no. 5, pp. 543–545.

Stillman et al., 2011 – Stillman, T.F., Baumeister, R.F., Mele, A.R. “Free Will in Everyday Life: Autobiographical Accounts of Free and Unfree Actions”, *Philosophical Psychology*, 2011, no. 3, pp. 381–394.

Tversky, Kahneman, 2013 – Tversky, A., Kahneman, D. “Judgment under Uncertainty: Heuristics and Biases”, in: MacLean, L. & Ziemba, W.T. (eds) *Handbook of the Fundamentals of Financial Decision Making: Part I*. WSPS, 2013, pp. 261–268.

Vasilyev, V. V. *V zashchitu klassicheskogo kompatibilizma* [In Defense of Classical Compatibilism]. Moscow: URSS, 2017, 200 pp.

Vasilyev V.V. “‘Trudnaya problema soznaniya’ i dva argumenta v pol'zu interakcionizma” [“The Hard Problem of Consciousness” and Two Arguments in Favor of Interactionism], *Filosofiya soznaniya: analiticheskaya traditsiya. Tre't'i Gryaznovskie chteniya*, 2009, pp. 32–40. (In Russian)

Volkov, D.B. *Svoboda voli: illyuziya ili vozmozhnost'* [Freedom of Will: Illusion or Possibility]. Moscow: Kar'era Press, 2018, 386 pp.

Wegner, 2017 – Wegner, D.M. *The Illusion of Conscious Will*. MIT Press, 2017, 410 pp.